Некрасов

6.06.2001

Независимая газ. – 2001. – 6 июня. – с.8

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЭТУ

О Некрасове, народе и интеллигенции. Последние суждения Татьяны Глушковой

Татьяна Глушкова в последние годы была, быть может, более заметна в качестве острого газетного публициста (поэтические книги издавать стало трудно), но она никогда не оставляла своего основного поприща и сочинила, помимо множества лирических стихотворений, несколько поэтических циклов-книг, в том числе некрасовский. Со стихами из цикла «Возвращение к Некрасову» я познакомился несколько лет назад по публикации в одной газете, они мне понравились: щемящие, распевные. Позже прочитал в рукописи всю книгу (совсем недавно ее напечатали в Самаре). Тут, мне кажется, имел место эффект совпадения или отражения: Глушкова отразилась в интонациях Некрасова, а Некрасов – эхом – в Глушковой. Некрасову в самом конце этого года будет юбилей – 180 лет, и возникла мысль о беседе. Я послал Глушковой вопросы, последующие детали мы не раз уточняли. Глушкова правила и шлифовала текст. А 22 апреля ее не стало... Она жила одна, умерла в больнице, окончательный текст мне доставили не сразу... Татьяна Михайловна в целом успела внести казавшуюся ей необходимой правку. Публикуемые суждения – последнее, над чем она работала. Публикуется в сокращении.

Николай Некрасов. Фото 1860-х гг.

Олег Мраморнов

– ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА, вот вы написали о Некрасове целую книгу в стихах, но читают ли теперь самого Некрасова? Он ведь не на слуху. Иной раз выведут на плакате «Я лиру посвятил народу своему», а подпишут – «Пушкин». Курьез, но показательно. Что вы думаете на этот счет?

– В целом творческая наша интеллигенция стала в антагонистическую позицию относительно Некрасова, бывшего некогда могучим властителем дум, духовным вождем русской интеллигенции. «Некрасов был провозвестником топора, а теперь хорошо известно, что это такое», – писал, например, Булат Окуджава, отвечая на «некрасовскую» анкету в перестроечные годы. В данном – и весьма типичном – случае заметна попытка «заместить» Некрасова... Чернышевским. Грубая попытка, восходящая, впрочем, к советскому литературоведению. Но любопытнее другое – нарочитая сентиментально-деспотическая «гуманность», которая заявила себя в перестроечные годы...

Иной раз о Некрасове такое услышишь, что руками разведешь. «Некрасов был не только одаренным (!) писателем, но, что важнее (?), идеальным редактором», – снисходительно пишет, например, молодой современный стихотворец и телевещатель Дмитрий Быков. «По-моему, сегодняшнему читателю Некрасов труден; он стал поэтом для постов...» – считает Владимир Корнилов.

Некрасов, как то и подобает поэту, был готов к любому по строгости суду: *«Что враги? пусть клевещут язвительней,/ Я пощады у них не прошу,/ Не придумать им казни мучительней/ Той, которую в сердце ношу!»* Характерно, что мировоззренчески да и стилистически зачастую весьма далекие от Некрасова писатели «серебряного века» Некрасовым-поэтом восхищались: и Бальмонт, и Брюсов, и Блок, и Гумилев, и Волошин, и Розанов...

– Вы связываете это с общим состоянием эстетической культуры? Степенью культурности?

– Когда «эстет», поклонник Теофиля Готье, Николай Гумилев на вопрос анкеты Корнея Чуковского: «Любите ли вы стихотворения Некрасова?» – отвечает: «Люблю. Очень!» (с восклицательным, как видите, знаком), – разве не побуждает это задуматься над капризами вкуса сегодняшнего?

И все же причина нынешней нелюбви к Некрасову или, в лучшем случае, некоего заговора молчания вокруг него – глубже. Она – в укоренившейся со времен перестройки и разрастающейся народофобии. Народофобии социальной, политической, эстетической. Помните, как в конце 80-х годов государственные тогда еще СМИ откровенно трактовали русский народ как Шариковых, ибо повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце» была объявлена альфой и омегой «народоведения»?.. В те же годы, естественно, был обрушен и авторитет Некрасова. Ведь Некрасов-то вопреки бойким пропагандистам всенародно-*собачьего* сердца говорит: «ЗОЛОТО, ЗОЛОТО – СЕРДЦЕ НАРОДНОЕ!» Совместимы ли эти позиции? Совместим ли Некрасов с тем сладкозвучным тенором, что «крылато» назвал народ (мусорными) «совками»? С тем высокоинтеллектуальным социальным «биологом», что изобрел термин «гомо советикус»? Со всеми поклонниками таких «прозорливцев»?..

– А эстеты «серебряного века» народофобией не страдали? Не тогда ли вошло в оборот выражение *Грядущий Хам* в применении к народу?

– Мережковский с присными в большом историческом времени явно, явно просчитался. В роли Грядущего Хама в конечном-то счете, уже в наши дни – перестроечные и далее – выступила, по моему убеждению, как раз «творческая интеллигенция», так называемые *люди культуры*. Они легализировали все виды хамства – вплоть до матерщины в печати, театре, на кино– и телеэкране. Мы узрели интеллигенцию, попирающую всю традиционную культуру. Глумящуюся и над Православием почище любого безбожника из воинствующих неучей 20-х – 30-х годов прошлого века. Ибо ведь, именно навесив на свою «артистическую» грудь православные кресты, она и сквернословит, и глумится над голодным, холодным народом, и всячески заголяется... Ну а люди «серебряного века» в целом были, конечно, неизмеримо культурней нынешней интеллектуальной или творческой «элиты». Кстати, отношение к народу – это существеннейший оселок для проверки именно культурности человека. Как, впрочем, и отношение к истории... Ведь *культурность* и барственность, надменность, снобизм – не одно и то же.

Поэты «серебряного века» не могли пренебречь такой ценностью, как некрасовский лиризм (не говоря уж о мастерстве как таковом, которое увлекало многих из них). Это ведь особый лиризм, доселе небывалый.

– Что это значит?

– Мощный лиризм! Лиризм, соединенный как с проникновенной искренностью, так и с мощью. Словно сама Волга плещется в стихе... Нечто подобное, в своем роде, слышно у Державина. Но у Некрасова – большая простота, большая распахнутость души и интонации. (Самобеспощадной души, хочется сказать...) Метрически немногостопный стих звучит с изумляющей раздольностью. Русский лиризм как неповторимость нашей национальной поэзии у Некрасова переходит в эпичность звукового смысла...

–Какой профессиональный урок почерпнули вы лично для себя из этой вашей пристальности к Некрасову?

– То же, что, например, постиг, в своем «серебряном веке» Иван Бунин. А именно: *«Поэзия не в том, совсем не в том, что свет / Поэзией зовет. Она в моем наследстве. / Чем я богаче им, тем больше я поэт»* (и так далее).

Вся русская поэзия говорит одно и то же: о неиндивидуалистической подосновке поэта.

–Некрасову досталась непростая доля издателя-редактора крупнейшего русского демократического журнала, собирателя свободолюбивых, в том числе народнических, литературных сил, идейного соратника Добролюбова и Чернышевского. Ваш герой был страстной идейной фигурой, одним из лидеров революционной демократии. Насколько я знаю, в патриотических кругах сейчас принято подвергать поруганию эту общественно-политическую линию. Что вы скажете по этому поводу?

– Ну, вовсе не только в патриотических кругах! Вовсе не только... И это, кстати, прямо указывает на глубокое отличие нынешней демократии от тогдашней, которая была всецело повернута к интересам народа. Которой свойственна была даже идеализация народа, жертвой чего и оказались романтические «ходоки в народ»... То была – и в лице Некрасова с безусловностью! – антибуржуазная (хотя и антикрепостническая) демократия. Сегодня же – буржуазная, прокапиталистическая. Полагаю, что лидеры наших «патриотических кругов» по духу вполне буржуазны. И как же любить Некрасова нынешним патриотам-антитисоветчикам (коих – пруд пруди!) или нынешним либеральным, а тем более радикальным, демократам, если Некрасов писал:

Прочь! Гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..

Если он – не на руку иным патриотам! – не ограничился тем, чтобы заклеймить *«телец золотой,/ Воплощенный в седом иудее»*, но предал анафеме *«шайку... Из всех племен, наречий, наций,/ Что исповедует разбой / Под видом честных спекуляций»*? Ведь кто только не корчится, поддетый на кончик его саркастического пера! Тут и коренные *«русаки»* – циничные предприниматели и сановники, готовые пустит страну с молотка, мастаки увезти *«из России миллионы»*; и *«народившиеся кулаки»*, что *«по селеньям зверем рыщут»*; и *«эксплуататоры пьянства народного»*... Тут и покупная пресса, и – весьма характерно! – *«экс-писатель»*, и интеллигенты-профессора – прежде *«скромные труженики»*, *«об Отечестве печальники»*, *«старые патриоты»*, пустившиеся, однако, в биржевые спекуляции, ростовщичество, мошенническое акционирование; разномастные, хоть бы и дворянской крови, рыцари наживы любыми средствами...

– Ничего не скажешь, пореформенная Россия, изображенная Некрасовым в поэме «Современники», похожа на сегодняшнюю. Этого сходства и не прощают поэту «герои нашего времени»?

– Некрасовский реализм оказался, увы, футурологическим: картины тогдашней современности посланы в новое тысячелетье. Словно поэт видел и нашу «семибанкирщину», и нашу приватизацию. В сущности, он не упустил ничего из того, чему мы сегодня свидетели.

– Интересно, что судя по вашим публикациям, в том числе и в нашей газете, вы сочетаете любовь к Некрасову с любовью к... Константину Леонтьеву – пламенному, наоборот, охранителю самодержавных начал. Как бы посмотрел на это сам Некрасов?

– Посмотрел бы, я думаю, как «огромного ума человек» (о чем свидетельствуют все знавшие его). Потому что тут, с моей стороны, не всеядность, беспринципность, а ощущение единства великой русской культуры.

– Вопреки пресловутому «ленинскому учению» о двух культурах в каждой национальной культуре?

– Не вопреки... За «недооценку» этого учения я довольно страдала от ортодоксов советского времени (ныне – демократов). Но я говорила и говорю об определенном срезе – культуры: о великой русской культуре – о единстве на вершинах культурного процесса. Если же брать культуру, литературу в целом, во всех ее уровнях, то разделение Ленина совершенно справедливо. И это куда нагляднее сегодня, чем в советскую эпоху. Теперь ведь прямо (и гордо) говорят об «элитарной культуре». По-русски (и по-некрасовски) – антинародной. И о ее, так сказать, сводной сестре – культуре массовой: культуре толпы, а не народа... Обе эти разновидности буржуазной культуры, впрочем, утрачивают право называться «национальными»: в них отчетливо проступает как раз космополитический элемент.

– Есть сегодня и другая культура, в торжество которой вы верите?

– Конечно, есть. Та, в которой – позволю себе самоцитату из «Возвращения к Некрасову» – *«родины чёрные сроки,/ песен сует суета / днесь открываются...»*

– Мрачная картина, но разве Некрасов был таким же пессимистом, как помянутый Константин Леонтьев? Ведь как не вспомнить его упованье насчет России, русского народа: *«Вынесет все – и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе»*?!

– Поэта не подгонишь вполне ни под одно из этих состояний. И «мрачность», которой провеет порой в том или ином творчестве, означает только одно: «есть времена» – повторю за Некрасовым, – когда тот не поэт, кому не дано, как Некрасову, признаться: *«Надрывается сердце от муки...»* Такие бывают события, такие исторические обстоятельства... Это не исключает взоры в некое дальнее будущее, в котором – и как раз через страдания – таится свет. К тому же, жесткое, нелиберальное называние вещей – знак не пессимизма, а прежде всего мужества. В подобном бесстрашии заключена ведь и жажда преодоления всякой *«ночи безрассветной»*... Кстати, бесстрашие в назывании вещей и абсолютная искренность – общие черты и Некрасова, и Леонтьева. Это я возвращаюсь к «трудному» вашему вопросу о совмещении в одном сознании приверженности к двум «антиподам». То есть о единстве великой русской культуры, которое осуществляет себя поверх политических убеждений ее деятелей.

Хочу заметить попутно, что творческий гений не может быть антиисторичным; он бывает сверхисторичным. Он «работает» не столько на ту или иную политическую программу, сколько против конца истории. Того рукотворного конца истории, о котором размечтались разнообразные доктринеры XX века. Леонтьев предупредил, по сути, о том, что теперь называется «глобализация». Некрасов, как его можно понять сегодня, предостерег, в частности, от иллюзий насчет «русского капитализма» – и вольно нам было не внять свидетелю первого пришествия «золотого тельца» и жаждать его второго пришествия на трон. Которое не может не быть еще более грозным для миллионов, десятков миллионов...

– Однако, вольно, невольно ли, вы подтверждаете все-таки именно тенденциозность, свойственную поэзии Некрасова – и не вредит ли она поэзии как таковой?

– Вся великая русская литература тенденциозна! В меру своей двуединой связанности и с жизнью, и с идеалом. Что ж до той конкретной некрасовской «тенденции», о которой шла сейчас речь, то вот в вашей же газете не так давно была помещена большая статья «Угол преломления. Русский предприниматель в зеркале художественной литературы», и двум ее авторам не удалось, по их признанию, отыскать положительный образ, взятый из этой социальной среды. Что же, откажем в художественности столь «тенденциозной» русской классике – начиная с Островского?..

– Но Некрасов-то сам признавался, что ему *«борьба мешала быть поэтом»*.

– Тут – диалектическая связь: и мешала, и помогала. Без того, что называют борьбой, мы не получили бы таких шедевров русской и мировой поэзии, как «Рыцарь на час», «Еду ли ночью по улице темной...», «, «Вчерашний день, часу в шестом...», «Блажен незлобивый поэт...», «Мороз Красный нос», «О Муза, я у двери гроба...» и десятки других созданий Некрасова. Ведь какой масштаб личности, какое отсутствие суетной боязни за судьбу своей Музы, своего творческого дара должны были быть у поэта, просившего: *«Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви»!*

– В наши дни помянутый Некрасовым стан склонны понимать как стан революционеров-безбожников.

– Не слыша про *«великое дело любви»*? Сводя мысль поэтическую к кружково-политической?

– Людям, должно быть, приходят на ум Чернышевский и Добролюбов, с которыми тесно был связан Некрасов, вообще нигилисты...

– Нельзя сказать ясней, чем сам Некрасов в стихотворении «Пророк» – о Чернышевском: *Его послал бог Гнева и Печали /Рабам земли напомнить о Христе.* Дело в том, что в русское православное сознание всегда входило понятие социальной справедливости, прямо связанной с мерой, тяжестью общественно-полезного труда (или ратного служения)... И потому *безбожными* считались как раз те, кто не озабочивался этим.

– Что же, выходит, что пророк революции, как Чернышевский, есть пророк в религиозном смысле слова?

– У Некрасова пророком оказывается герой, рыцарь без страха и упрека, отдающий жизнь «за други своя». Герой как пророк. Бескорыстная жертвенность во имя людей (отчизны, народа) интересует Некрасова прежде, чем политическая. В известном смысле его можно назвать романтиком, отдаленно припомнив такого его современника, как Виктор Гюго... Наверное, это и впрямь трудно понять в наше антигероическое по господствующим установкам, неромантическое время, когда личность предпочитает реализовать себя вне рискованных (как ей представляется) путей. Прозаически благонамеренная, так сказать, рационалистическая личность. Которая кажется себе более религиозной, чем на деле является...

Но тут стоит отметить, что неотделимые от некрасовского «Современника» Чернышевский и Добролюбов, например, – выходцы из духовного сословия– лично и в своей литературной критике отнюдь не грешили против веры.

– Может быть, срабатывал фамильный такт – вопреки легенде советского времени?..

– Такт и сыновний долг почитания отцов и дедов – священнослужителей – и, думаю, ориентация на крестьянскую Россию, столь ярко присущая тому же Чернышевскому... Ну а перекосы, пережимы советского литературоведения теперь несколько выравниваются. Так, известный филолог Николай Скатов сегодня прямо указывает, что за «современниковцами» Чернышевским и Добролюбовым «стояла традиция сурового... нравственного духовного воспитания» и что «безотносительно к тому, как складывались их взгляды», эти люди «не позволили себе ни одного выпада в сторону церкви, не говоря уже хоть о каком-то элементе богоборчества, тем более ерничества, которому отдало такую обильную дань дворянское вольтерьянство». И, пожалуй, можно сказать, что благодаря своим корням они привнесли в общественную жизнь стиль родственного монашеству аскетизма и этику *служения* – идее, правому, в их понимании, делу, – которая была уж никак не ниже явно выдыхавшейся к тому времени дворянской чести. Это был стиль несгибаемого стоицизма.

– Но отсюда и узость, казалось бы, противоречащая широкой натуре Некрасова-человека?

– На то она и широта, чтобы легко «вместить» узость!.. Да и узость-то бывала странная, вдруг приоткрывая другие горизонты. «...Я сам по опыту знаю, что убеждения не составляют еще всего в жизни, – писал Чернышевский Некрасову, – потребности сердца существуют...» И пылко, особенно приветствовал как раз некрасовские «пьесы без тенденции», говоря: «...Политика только насильно врывается в мое сердце, которое... хотело бы жить не ею». Но во всяком случае подчеркну сейчас, что никакого принципиального разрыва с религией у двух выдающихся революционно-демократических сотрудников Некрасова не обнаружишь. Сложное это было явление, этот некрасовский «стан». В котором даже философский материализм сочетался с исповеданием христианского идеала. «Бог угнетенных, Бог скорбящих», по Некрасову, или – что схоже – тютчевский *русский Христос* неизменно жил в их душах...

– Вы, должно быть, не согласны и с тем снижением образа Чернышевского, которое дал Набоков в романе «Дар»? Снижением, вообще говоря, задевающим весь некрасовский стан и самого Некрасова?..

– Тут, со стороны Набокова, на мой взгляд как раз яркий пример вылохшейся дворянской чести. *Неблагородства*, на какое способен **именно** брезгливо-снобствующий *барин*. Эдакий тургеневский Пеночкин нового времени... Ведь даже жандармы, которые везли Чернышевского в ссылку, признавались: нам говорили, что везем преступника, а мы везем святого... Но добавлю еще о «стане погибающих». Нигилистичность его не должно ни абсолютизировать, ни схематизировать. Разные, разные же там были люди. И внутри себя – разные. Сколько, в сущности, антинигилистического даже в «культовом», как теперь бы сказала, герое «Отцов и детей» – Базарове!.. Или вспомним такое: Некрасову поклонялась, в частности, народническая молодежь, а вот что рассказывает о первых народниках современник: «Я видел не раз, как молодежь, отправлявшаяся уже в народ... читала Евангелие и горько рыдала над ним». И Некрасов-то постоянно говорит о любви, «великом деле любви».

Вот знаете ли, как проходили похороны Некрасова, собравшие тысячи и тысячи тогдашней «безбожной» молодежи? Помимо того, что был соблюден весь православный ритуал церковного отпевания (о чем свидетельствует и Достоевский), люди все восемь верст до кладбища, в жестокий мороз, несли на руках гроб Некрасова, а толпа, несшая впереди венки, рассказывает Гайдебуров, «всю дорогу – хором человек в двести – пела «Святый, Боже», и пела так усердно, что я боюсь, как бы большинство ее не захворало дифтеритом». А ведь там была со своими венками и «Земля и воля»...

– Это вы и назвали в своих стихах: *«Его торжественная смерть/ плывет по Петербургу»*?

– Видимо... Ведь получилось поразительное русское единение и во всех смыслах религиозное действо – при всех революционных силах, участвовавших в нем. Да и сама естественная возможность речи Достоевского, автора «Бесов», перед лицом этой молодежи (он рассказывает, что *«протеснился* к раскрытой еще могиле, забросанной цветами и венками») свидетельствует как раз о вписанности всего этого траурного действа в православное сознание...

– Вы берете под нравственную защиту и общественную деятельность Некрасова, и революционную демократию вообще?

– Я протестую, как сказала уже, против огульного, а тем более – высокомерного взгляда. Против нынешнего самодовольного «прокурорства» над русской историей и культурой, в котором прочитывается, пожалуй, современный уже конформизм... Хочешь, не хочешь, а нелепо изымать революционную демократию некрасовской поры из истории русского духа. Отчуждать ее от него. А общественную деятельность Некрасова – знаете, как можно бы подытожить? В сущности, это Некрасов – и в огромней степени именно своими стихами, чрезвычайно популярными тогда, – сформировал в 50-е – 70-е годы XIX века русскую интеллигенцию как уникальный и, видимо, неповторимый феномен.

– Хотя начал-то это дело Белинский, которого принято в среде нынешней интеллигенции откровенно хулить... Непочтение к родоначальникам?

– Думаю, тут просто возникает встречный вопрос: а есть ли сегодня в России интеллигенция – и где именно она находится? Ясно одно: те, кого называют «элитой» – «русской национальной элитой», как выражаются записные наши патриоты, или же «культурной элитой» либерального фланга – все эти разномастные «юбиляры и триумфаторы» наших дней к подлинной, исторической русской интеллигенции отношения не имеют. Это – нечто совсем другое! Более или менее прилипшее либо прилипающее к олигархии, криминалу, власти... Эдакая прослойка – без подвижничества. Без самопожертвования. Без какой-либо святости. Даром что крестами нательными – как некогда комсомольскими значками – украшены... Это просто продукты гниения советской эпохи.

– Вы вписываете Некрасова в концепцию принципиальной мятежности поэта?

– Понимать следует шире. Именно, что поэт – во всех случаях не либерал. О чем категорически говорил Александр Блок... Поэт может быть и бунтарем, и охранителем, варьируя общественную свою функцию сообразно всегда конкретной задаче гармонизации мира, оздоровления исторической жизни. Революционность Некрасова – это высокая степень нонконформизма. Это – непримиримость к неправой власти, неправедному режиму, неправедному устройству общества. Непримиримость сначала к крепостному праву, а затем – глубокая неудовлетворенность реформой 1861 года, решением земельного вопроса. Это – неверие в добровольное, со стороны власти, изменение ее принципов. Это – сознание того, что так называемая эволюция оказывается путем социально нисходящим: растленность высших классов, правящего класса сочетается с социальным распадом, деградацией низших... Совестливость – вот чуть ли не Муза Некрасова. Источник всех его вдохновений, основа мировоззрения – той же «революционности». *Революционность* Некрасова не содержит в себе ничего политиканского, никакой личной выгоды.

У Некрасова (ведь – поэт!) не было четкой политической программы. Та «широкая, ясная» дорога, которую, по его упованию, народ «грудью проложит себе», не получила у поэта определенного социально политического имени. В словосочетании «революционер-демократ» применительно к Некрасову я подчеркнула бы слово «демократ» – в том толковании, которое дает Розанов: «У нас (у русских то бишь. – **Т.Г.**) «демократизм» есть не юридический термин, не политический, не программный, это – бытовая психология и почти мировая метафизика».

– Сегодня, кажется, царит демократия без метафизики...

– Дело поэта, – продолжу о Некрасове, – и, собственно, реальная для художника возможность – разве что сигнализировать об опасности того или иного поворота и, напротив, застоя, в котором дремлет катастрофа. Сигнализировать самими художественными картинами действительности...

Хотя в революцию, крестьянскую революцию, скажу между прочим, Некрасов, в отличии от других, не верил. «Ничего не будет», – предрекал он в годы так называемой «революционной ситуации» после реформы, потому что он лучше других знал народ... Революционность Некрасова, подчеркнула бы я, -христианского толка. Это – бесконечная сострадательность к страждущим. К «угнетенным, скорбящим», по его слову. Ко всему, что – *«бледно,/Несчастно, голодно и бедно,/ Что ходит, голову склоня»*, как читаем в поэме «Несчастные». Это – вот та самая «страстность к страданью», о которой в связи с Некрасовым говорил Достоевский. И в которой сам Достоевский так похож на Некрасова...

– Выходит, что революционность Некрасова – это собственно гуманность, и тогда можно говорить о революционности также и Достоевского?

– Горе тому обществу, где страстность к чужому страданью, сострадательность к тому, «что... голодно и бедно», расценивается как «сокрушенье основ»!.. Однако «гуманность» – слишком мелкое, сладенькое слово в применении к могучему духу поэзии Некрасова. Слишком абстрактно-либеральное слово... «Сердобольное», «жалостливое», оно ведь не выражает того стремления к правде (во всем русском значении этого понятия!), что одушевляло Некрасова.

– К правде как справедливости?..

– «Правда народная», – говорили наши великие писатели. И народолюбие их – и Некрасова прежде всего – диктовалось не только «революционным» чувством социальной (экономической) справедливости или простым милосердием. «Правда неродная» (любимое выражение Достоевского) отвечала самим запросам духа. «Он преклонялся перед правдой народною», – писал Достоевский, отмечая, что Некрасов с редкостной чуткостью, «искренностью любви... признал и *истину народную*, и истину в народе, и что истина есть и сохраняется лишь в народе»...

– Но ведь со временем устаревает само такое представление о народе, и поэт этого исповедания уходит в прошлое...

– Тогда в прошлое уходит вся национальная поэзия, вся русская культура?.. Ведь при ином исповедании поэтом быть невозможно. Случается, что поэту не дано с достаточной силой выразить эту, порой и впрямь трудноуловимую, «правду народную». Но стоять на иной точке зрения он, по-моему, не может без утрата или резкой ущербности самого своего дара. Напомню еще несколько строк, оставленных Достоевским: «Народ был настоящею внутреннею потребностью его (Некрасова. – **Т. Г.**) не для одних стихов. В любви к нему он находил свое оправдание. Чувствами к народу он возвышал дух свой....В этом порочном мужике, униженный и унизительный образ которого так его мучил, он находил, стало быть, и что-то истинное и святое, что не мог не почитать, на что не мог не отзываться всем сердцем...»

– То есть дело в прозрении, в видении сквозь «униженный и унизительный образ»?

– В таланте этого прозрения, глубоко связанном с самим поэтическим даром, с масштабом творческого дара... И если я признаюсь о народе в своей «некрасовской» книге: *«Пред нами лик его задымлен – приметен только пьедестал»*, то это понимать надо: богатыри – не мы!.. А о Некрасове, я думаю, как раз можно сказать: *«Незримый нам наш тайный облик / хранит поэзии язык»*.

– Но у того же Достоевского «наш тайный облик» предстает зачастую не таким, как у Некрасова.

– Да, осмелюсь заметить, – более «модернистским». Достоевский предпочитал брать наш «русский дух» или национальный характер в его психологических экстремумах, «надрывах», едва ли не на грани даже патологии, в его крайностных, экзотических «изгибах». Это приводило и к размыванию русского духа (парадокс «специфичности»!) в той «всечеловечности», которую, если привлечь словцо Ивана Карамазова, пожалуй, недурно бы «сузить». У Некрасова же, при всей его личной (подчеркну это!), но не навязываемой героям «страстности к страданию», русский дух предстает *как естественная, не форсированная, животворящая стихия.* В этом – его преимущество, художественная объективность, если угодно – та национальная «крупность», благодаря которой он активно востребуем в созидательные и героические эпохи... Решительным доказательством моей мысли являются образы некрасовских женщин. *«Всевыносящего русского племени / Многострадальную мать»* показал, воспел – во всей русской литературе – один Некрасов. А ведь она – основа всего национального бытия. Что подтвердилось, кстати, и в годы Великой Отечественной войны, которую вынесла на своих плечах именно русская женщина.

– Вечная *Орина, мать солдатская*?..

– Тут и Дарья из поэмы «Мороз Красный нос». И жены декабристов. И времен Крымской войны матери *«детей,/ Погибших на кровавой ниве»*. И та жница, что в *«вечном терпении»* сглатывает *«слезы соленые / С кислым кваском пополам»*. И, наконец, мать самого поэта, способная вопреки пресловутому материнскому эгоизму увести сына *«в стан погибающих / За великое дело любви»*... Да всего и не перечислишь – величавого, скромного и скорбного, что дал нам в этом плане Некрасов. Причем образ *всевыносящей* и *многострадальной* матери, русской женщины как впервые обозначенного национально-особливого типа выходит у Некрасова на образ «матери-земли», и «Природы-матери», и «матери Родины» и, конечно же, Богородицы... Русская женщина-мать, благословляющая сына на жертву, как у Некрасова, – это же земное отражение Богородицы во всех ее «хождениях по мукам»... В женских образах у Достоевского нелегко отыскать столь жизнестроительные смыслы. Достоевский вообще склонен передавать их «маргиналам» – от Хромоножки из «Бесов» с ее пронзительной «догадкой» о Богородице до, с другой стороны, «идиота» князя Мышкина. То есть облекая эти смыслы формой болезни, «статусом» юродства... Ну а Сонечка Мармеладова, в этом смыслам причастная, «произошла» все же из некрасовского «Еду ли ночью по улице темной». Но и тут стоит внимания типично некрасовская особенность: несчастная героиня великого этого стихотворения, в отличие от Сонечки, снова-таки – *мать*... И тут надо сказать, что Некрасов заполнил странную, труднопостижимую пустоту в поэзии православного народа – отсутствие в этой поэзии образа матери. В книжной, конечно, поэзии...

– Ну а как Достоевский с его героинями, при их «надрывах», при своем бездонном психологизме, мог смотреть на упрощенный как будто некрасовский идеал?

– Он вообще смотрел на Некрасова-поэта со сверхуважением. Ведь назвал его почти как Гоголь – Пушкина: «замечательным и чрезвычайным (!) явлением в нашей жизни и в нашей поэзии». А воротясь с похорон Некрасова, сказана жене следующее: «Я скоро последую за Некрасовым... Прошу тебя, похорони меня на том же кладбище. Я не хочу заснуть последним сном на Волковом, рядом с другими русскими писателями... Я хочу лежать рядом с Некрасовым». И это при том, что они не были близкими друзьями...

– Прямо братское объятие «консерватора» с «революционным демократом»! Это из области парадоксов национального сознания?

– Можно сказать и так. Ведь оба – «почвенники». В лице Некрасова мы видим «революционного» почвенника – и это, быть может, как раз глубочайшая разновидность почвенничества...

– А за кем из потомков вы признаете наиболее верное и глубокое понимание личности и творчества Некрасова?

– За Василием Розановым. Замечательна серия его статей о Некрасове! А в связи с темами нашей беседы хочется вспомнить розановскую статью «О благодушии Некрасова». Благодушии поэта «мести и печали». Розанов пишет о «тонком и нежном сердце» Некрасова, об открытости, «простоте и беззлобии» этого сердца. «Это был поэт малого гнева», – считает Розанов и, цитируя некрасовские строки, заявляет даже: «Такого благодушия стихов и у Пушкина надо с усилием выискивать». ■